

Воспоминания секретаря-архивариуса Наполеона барона де Фэна как один из источников описания Бородинского сражения в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»

Имя секретаря-архивариуса Агатона-Жана-Франсуа де Фэна часто встречается в работах историков, связанных с Отечественной войной 1812 года. О нем упоминает Л.Н. Толстой в черновых вариантах романа «Война и мир». Его имя занимает не последнее место среди французских источников, на которые опирался писатель, создавая свою эпопею. Точное название книги «Манускрипт тысяча восемьсот двенадцатого года, содержащий краткий обзор событий этого года в целях служения истории императора Наполеона»¹. К сожалению, два тома, которые изучал Толстой, не сохранились в его личной библиотеке в Ясной Поляне, а те экземпляры, по которым пришлось работать автору этой статьи, не несут следов чтения писателя. В настоящей работе представлены выдержки из воспоминаний Фэна с описанием Бородинского сражения, которые явно были использованы в романе «Война и мир» при создании сцен великой битвы.

Армия прибывает на поле сражения

«4 сентября армия покинула окрестности Гжатска в поисках врага. Император развернул лагерь возле поста Гриднево. По его прибытии Неаполитанский король отдал ему отчет об одной кавалерийской атаке, которая задержала наш авангард на несколько часов, и мы смогли закончить дневной путь.

Пятого числа в шесть часов утра мы снова пустились в путь. Коновницын воспользовался ночью, чтобы отступить к Колоцкому монастырю. В семь часов утра наши передовые войска атаковали его. Предупрежденный пушкой готовых к сопротивлению русских, вице-король устремился вперед, он пересек несколько деревень, разрушенных казаками,

обошел позиции Коновницына и достиг выступа, откуда его артиллерия господствовала над большой дорогой. Генерал д'Антуар торопился установить там батарею. Коновницын, видя таким образом себя обойденным, думал только об отступлении, но не мог этого сделать иначе, как пройдя под картечью вице-короля. Мы следовали за ним, дорога не ставила нам больших препятствий, и мы быстро продвигались. К двум часам нам наконец открылась вся русская армия.

Она располагалась по линии холмов, гребень которых простирался от деревни Бородино до лесов, что к югу кончали горизонт.

Вскоре наши войска были обеспокоены выстрелами множества стрелков. Враг практиковал такого рода засады в кустарниках, которые окаймляли дорогу, желая удержать ее с помощью отрядов, рассыпанных в четырех деревнях, которые мы заметили справа. По карте мы узнали их названия: Фомкино, Доронино, Алексинки и Шевардино.

В 150 туазах от Старой Смоленской дороги в Шевардино поднимался круглый холм, на котором русские построили редут. И то, что нам было видно с этой стороны, так это пехота, кавалерия и артиллерия – числом в 15 тысяч человек.

Появился император; он приказал Неаполитанскому королю, не теряя ни минуты, атаковать врага на этой выдвинутой вперед позиции. Король тотчас бросает на правую сторону к круглому холму кавалерию авангарда и дивизию Компана. Это единственные войска, которые он еще имел под рукой. Но поляки Понятовского, которые шли под прикрытием лесов, перешли Желнию (р Еленка. – *И.Р.*).

В 4 часа началась атака.

Компан, который точно исполнил приказ императора, захватил деревни Фомкино и Доронино. Русские, которых он прогнал оттуда, отступили к редуту; он их преследовал и сразу обошел круглый холм с правой и левой стороны. Наши колонны должны были сначала драться против множества кавалеристов, которые бросались на наши штыки. Преодолев это

препятствие, они попали на другое – сильную перестрелку с флангов редута. “Вперед! Вперед!” – кричал генерал, но шум не позволял его услышать, и сражавшиеся оказались под градом пуль в десяти туазах одни от других. Этот ужасный огонь длился три-четыре часа. Чтобы его прекратить, был двинут вперед 57-й батальон. Он прикрывал четыре пушки артиллерии, заряженные картечью.

Воспользовавшись их разгромом, мы тотчас проникли на штыках в полуоткрытые ряды русских. Беспорядок быстро перешел справа налево. Нам оставили не только редут, но и пушки, которые его защищали, все канониры пали возле лафетов. Однако Багратион, который был во главе командования этой части линии сражения, сам лично появился здесь. Он привел свежие войска, поднял уставших солдат Неверовского с помощью гренадеров князя Карла Мекленбургского. Дважды гренадеры Багратиона появлялись и дважды были отброшены стрелками Компана.

Тем временем наша линия выстраивалась и занимала все больше пространства между редутом и большой дорогой. Только что прибывшая дивизия Морана подвинула солдат Компана к Шевардину, а поляки Понятовского с нашей правой стороны начали прочищать леса.

При виде развертывания все время растущих наших сил Кутузов приказал Багратиону не оказывать больше сопротивления в сражении, и к десяти часам вечера огонь был прекращен. В течение ночи все наши корпуса окончательно заняли свою позицию.

Вот как расположились наши бивуаки. Вице-король сохранил свою боевую готовность, расположился на нашем крайнем левом фланге, на холмах, которые окаймляли течение реки Колочи, где возвышалась деревня Бородино; позади нее дорога, поднимаясь, шла к Горкам. Там группировались самые мощные силы врага, владевшие всеми высотами напротив вице-короля. Бородино, охраняемое русским арьергардом, находилось между двух лагерей, именно эту территорию две армии, казалось, желали опустошить своей враждой.

Но уже комбинации императора перенесены направо к равнине, что отделяет новую дорогу от Старой Смоленской дороги. Исходным рубежом вице-король должен избрать Бородино и держать его крепко закрытым от врага. Он получил приказ закрепить свою позицию редутами: они должны стать главным стержнем, на который все наши маневры смогут уверенно опираться.

С этого вечера все распоряжения стали исполняться; как только солдаты итальянской армии поставили свои ружья в козлы <...> они схватились за кирку и принялись за работу. Разведчики кавалерии Орнано углубились на несколько сотен туазов влево и преследовали по ручью Колочи и первыми заметили Москву-реку: “Moskowa!” Они напоили своих лошадей и поторопились сообщить о своем открытии. “Moskowa!” – говорили солдаты во всех бивуаках. Этим вечером так стала называться битва, которую мы должны были выиграть!» (Fain. II. 1–6).

Толстой не дает в романе описания сражения за Шевардинский редут, упомянув только о гибели шести тысяч солдат². «Наполеон, – пишет он, – выехав 24-го к Валуеву, не увидел (как говорится в историях) позиции русских от Утицы к Бородину (он не мог увидеть эту позицию, потому что ее не было), и не увидел передового поста русской армии, а наткнулся в преследовании русского арьергарда на левый фланг позиции русских, на Шевардинский редут и неожиданно для русских перевел войска через Колочу. И русские, не успев вступить в генеральное сражение, отступили своим левым крылом, из позиции, которую они намеривались занять, и заняли новую позицию, которая не была предвидена и не укреплена. Перейдя на левую сторону Колочи влево от дороги, Наполеон передвинул все будущее сражение справа налево (со стороны русских), и перенес его в поле между Утицей, Семеновским и Бородиным (в это поле, не имеющее в себе ничего более выгодного для позиции, чем всякое другое поле в России), и на этом поле произошло все сражение» (11, 185–186).

«Как только император отдохнул несколько часов в своей палатке, он потребовал своих лошадей и с первыми лучами солнца показался перед своими солдатами, закутанный в серый плащ. Обер-шталмейстер Коленкур и адъютант Рапп, который в эту ночь был дежурным, сопровождали его. Несколько человек из стрелкового эскорта следовали за ним на некотором расстоянии. Он уже заметил русские аванпосты и с этого он прекратил изучать территорию. Мимоходом он говорил с военачальниками, отвечая на радостные приветствия солдат, обращал ко всем довольное лицо, обещающее им сражение...» (Fain. II, 7)

Основываясь на данных Фэна и других историков, Толстой писал о действиях Наполеона накануне сражения, не без иронии характеризуя его мнимый гений: «Весь этот день 25-го августа, как говорят его историки, Наполеон провел на коне, осматривая местность, обсуживая планы, представляемые ему его маршалами и отдавая лично приказания своим генералам.

Первоначальная линия расположения русских войск, по Колоче, была переломлена и часть этой линии, именно левый фланг русских вследствие взятия Шевардинского редута 24-го числа, был отнесен назад. Эта часть линии была не укреплена, не защищена более рекою и перед нею одною было открытое и ровное место. Очевидно было для всякого военного и невоенного, что эту часть линии и должно атаковать французам. Казалось, что для этого не нужно было много соображений, не нужно было такой заботливости и хлопотливости императора и его маршалов, и вовсе не нужно той особенной высшей способности, называемой гениальностью, которую так любят приписывать Наполеону; но историки, впоследствии описывающие это событие, и люди, тогда окружающие Наполеона, и он сам, думали иначе.

Наполеон ездил по полю, глубокомысленно вглядывался в местность, сам с собой одобрительно или недоверчиво качал головой и, не сообщая окружавшим его генералам того глубокомысленного хода, который

руководил его решениями, передавал им только окончательные выводы в форме приказаний. <...>

Осмотрев местность против Шевардинского редута, Наполеон подумал несколько времени молча, и указал на те места, на которых должны быть устроены к завтраму две батареи для действия против русских укреплений, и место, где рядом с ними должна была выстроиться полевая артиллерия.

Отдав эти и другие приказания, он вернулся в свою ставку, и под его диктовку была написана диспозиция сражения» (11, 215–216).

«Но вот в лагерь прибыли два курьера, – продолжает Фэн, – прервавшие императора в момент составления предварительных диспозиций. Один из них, префект дворца барон де Боссе, приехал из Сен-Клу, другой, полковник Фабвье, прибыл из глубины Испании. Господин де Боссе привез с письмами от императрицы портрет маленького Римского короля – сына Наполеона. Наполеон получил этот портрет с волнением, которое он с трудом сдерживал. Оно проявилось в его желании показать сына лицам, которые его окружали...» (Fain. II. P. 9).

У Толстого на страницах «Войны и мира» довольно подробно описан этот факт, который он заключил двумя небольшими абзацами: «Посидев несколько времени и дотронувшись, сам не зная для чего, до шероховатости блика портрета, он встал, и опять позвал Боссе и дежурного. Он приказал вынести портрет перед палаткой, чтобы не лишить старую гвардию, стоявшую около его палатки, счастья видеть Римского короля, сына и наследника их обожаемого государя.

Как он и ожидал, в то время как он завтракал с господином Боссе, удостоившимся этой чести, перед палаткой слышались восторженные клики сбежавшихся к портрету офицеров и солдат старой гвардии.

– Vive l' Empereur! Vive le roi de Rome! Vive l' Empereur! – слышались восторженные голоса» (11, 214).

«Английский генерал Веллингтон, – читаем мы дальше у Фэна, – выйдя из неизвестности своих оборонных маневров, перешел границу Португалии и

через некоторое время появился на высотах Саламанки и в первый раз вступил в смелую атаку. Король Жозеф поторопился покинуть Мадрид с центральной армией, и пошел быстро на соединение с герцогом Рагузским. Генерал Дорсен, который командовал на севере, также поспешил на помощь. Три армии должны стать непобедимыми, а одна могла обойтись своими силами. Так думал герцог Рагузский, и он хотел, чтобы это был он. Не ожидая своих компаньонов, он только своими силами принял бой с англо-португальцами, успех должен был увенчать это мужество, но маршал, раненный в руку ядром, должен был оставить командный пост. Дорсен прибыл на следующий день, чтобы прикрывать отступление, но мы все-таки проиграли сражение; наши армии отступили и моральный дух победы Велингтона мог иметь для нас неприятные последствия.

Император предвидел все последствия этого несчастного события и как-то особенно резко посетовал по поводу случившегося с герцогом Рагузским, как будто оно было навлечено сознательно» (Fain. II, 10).

Эти моменты Толстой обыграл в своем романе: «25 августа, накануне Бородинского сражения префект дворца императора, m-r de Beausset и полковник Fabvier приехали первый из Парижа, второй из Мадрида к императору Наполеону в его стоянку у Валуева. <...>

Два камердинера быстро одели его величество и он, в гвардейском синем мундире, твердыми, быстрыми шагами вышел в приемную.

Боссе в это время торопился, руками устанавливая привезенные им подарки от императрицы на двух стульях, прямо перед входом императора. Но император так неожиданно скоро оделся и вышел, что он не успел вполне приготовить сюрприз.

Наполеон тотчас заметил то, что они делали, и догадался, что они не были готовы. Он не захотел лишиться их удовольствия сделать ему сюрприз. Он притворился, что не видит господина Боссе, и призвал к себе Фабвье. Наполеон, строго нахмурившись и молча слушал то, что говорил Фабвье о храбрости и преданности его войск, дравшихся при Саламанке на другом

конце Европы и имевших только один страх – не угодить ему. Результат сражения был печальный. Наполеон делал иронические замечания во время рассказа Фабье, как будто он и не предполагал, чтобы дело могло идти иначе в его отсутствии. «Я должен поправить это в Москве», – сказал Наполеон» (11, 211–212).

«Русские не думали удаляться, – продолжал свое повествование Фэн, – они были многочисленны и собирались атаковать нас раньше, если мы сами их не предупредим. В это время Кутузов заставил нести в процессии по всем рядам икону, признанную священной, которая спасла Смоленск. Каждый солдат был призван достойно умереть, и все, стоящие на коленях, отвечали на религиозное песнопение порывом энтузиазма. Мы слышали в их возгласах одобрение.

Император сел на лошадь, чтобы изучить местность, которая станет полем сражения. Морозящий дождь и туман позволили ему близко изучить позицию врага, но на пути к Бородину разрывы картечи заставили его повернуть назад.

Напротив вице-короля правая сторона и центр русских были защищены крутым откосом оврага реки Колочи и батареями, которые придавали высотам Горок самый грозный вид. Напротив принца Экмюльского их линия, изгибающаяся к деревне Семеновское, не была окаймлена течением реки Колочи, но овраги, что спускались от лесов, заменяли ее своей глубиной, а кустарники закрывали подступ» (Fain. II, 11).

«В точке, где ручьи соединяются в Колоче между Семеновским и Бородиным, находится выступающий угол укрепления врага. Высота делала его заметным, и русские разместили самый укрепленный редут. Это самая большая батарея в форме бастиона витала над всей центральной равниной и угрожала справа вице-королю, слева – принцу Экмюльскому. Далее к Семеновскому лесу; овраги, которые составляли естественную защиту московской армии, становились менее глубокими по мере подъема их к верховью. Кутузов казался особенно внимательным к этой части территории.

Последняя высота поднималась между Семеновским и лесами, ею воспользовались, чтобы построить там три другие флешы, которые опирались на конец линии.

Это было сделано для укрепления оборонительной системы ее левой обороны, которая отбросила на 1200 туазов вперед редут Шевардино. Но прекрасный армейский подвиг дивизии Компана открыл нам дорогу, которая, как казалось, была замаскирована.

Мы уже говорили, что с этой стороны император предполагал начать главные атаки» (Fain. II, 12–13)

«Император будет с этой стороны стоять в резерве с армией. Направо поляки обходили леса по старой дороге» (Fain, 17).

«Император использовал почти всю эту ночь, отдавал приказы. Только несколько часов он уделил часто прерываемому отдыху. С первыми лучами солнца он был уже на ногах. Он позвал дежурного адъютанта Огюста Коленкура. Тот не спал, полулежа на матрасе, облокотившись на локоть. Он грустно смотрел на портрет своей молодой жены, которую он должен был покинуть в первые же дни супружеской жизни <...> Возможно, именно к ней он адресовал свои последние прощальные слова. Появление императора сразу вернуло его из этой задумчивости. Он едва успел спрятать портрет на своей груди*.

Раздвинув полог своей палатки, Наполеон появился в сопровождении двух часовых, которые ему подали оружие, и он направился к своим офицерам, уже собравшимся в большом числе. “Немного холодно, – сказал он. Но вот прекрасное солнце! Это солнце Аустерлица!” Все согласились с этим высказыванием, выражающим желание, намек на счастливое предзнаменование.

В пять утра император сел на лошадь и поскакал галопом по правой стороне. Вся гвардия тотчас пришла в движение, чтобы следовать за ним. По

* В мемуарах, приписываемых Раппу, говорилось, что это он был дежурным в ночь перед битвой. Это заблуждение, которое я могу исправить. Я провел эту ночь в палатке дежурного адъютанта, и это был господин де Коленкур [Прим. автора «Манускрипта». – И.Г.).

сигналу барабанов вся остальная армия встала под ружье. Полковники, стоящие перед своими полками, приказали бить барабанный бой, а капитаны читали своим ротам следующий приказ: «Воины! Вот сражение, которого мы столько ждали. Победа зависит от вас. Она необходима для нас, она доставит нам все нужное, удобные квартиры и скорое возвращение в отечество. Действуйте так, как вы действовали бы при Аустерлице, Фридланде, Витебске и Смоленске. Пусть позднейшее потомство с гордостью вспоминает о ваших подвигах в сей день. Да скажут о каждом из вас: он был в великой битве под Москвой» (Fain. II, 21).

Толстой цитирует этот приказ в романе и добавляет: «*”Courte et énergeque!”** – проговорил Наполеон, когда он прочел сам написанную сразу, без поправок, прокламацию» (11, 214).

Битва под Москвой (7 сентября 1812 г.)

«Император двинулся вперед в поисках удобного положения на откосах редута, взятие которого двумя днями раньше ознаменовало наше прибытие на поле сражения. С этого возвышения линия русских ясно открывалась перед взором. Он находился от нее не более чем в восьмистах туазах. Налево от него расположился большой редут, который прикрывал центр армии врага, направо от него между Семеновским и лесами поднимались укрепления, которые нужно атаковать первыми, чтобы добраться до Багратиона.

Перед императором на равнинном промежутке, окаймленном двумя большими дорогами, расположились войска князя Экмюльского, маршала Нея и герцога д’Абрантеса; позади и на флангах пехоты стояли три корпуса кавалерии Монбрана, Латур-Мобура и Нансути, которыми командовал Неаполитанский король. Императорская гвардия, построенная в каре, окружала своими тесными рядами центральную позицию, выбранную Наполеоном. Молодая гвардия заняла сторону, самую близкую к врагу.

* Коротко и энергично!

Польская дивизия генерала Клапареда, известная в Испании под названием Легиона Вислы, была принята разделить этот почетный пост. На противоположной стороне выстроились батальоны старой гвардии в парадной форме: герцог Данцига был во главе; и недалеко от маршала Бессьера герцог Истрийский расположил в резерве свои элитные эскадроны*.

Как только император поставил ногу на землю, две батареи генерала Сорбье начали стрелять на правую сторону; их огонь снял ограждения лесов перед князем Экмюльским: этот последний тотчас отдал приказ дивизии Компана и Дессе идти на флешы, которые служили защитой Багратиону**.

За лесом Понятовский начинал движение для атаки врага со стороны Старой Смоленской дороги, и через несколько мгновений после пушки, которую слышали слева со стороны Бородино, стало известно, что принц Евгений производит отвлекающее наступление на большой Московской дороге.

Таким образом, битва разгоралась по трем направлениям. Она должна была следовать по плану, намеченному накануне, но упорное сопротивление приводит к неожиданностям; чтобы охватить усложнившиеся детали этого широкого целого, надо держаться возле императора, который видит все и предвидит все» (Fain, 24–25).

Толстой тщательно изучил исторические документы, материалы, в том числе и манускрипт Фэна, касающийся подготовки генерального сражения, и, следуя своему замыслу раскрытия ложного величия Наполеона, описывал его действия в насмешливо-ироническом тоне, снимая героический пафос с

* Все дни, предшествующие большой битве, Наполеон постоянно был на лошади, чтобы ознакомиться с силой и позицией врага, изучить поле битвы, обследовать бивуаки корпусов своей армии. Той же ночью он посетил линию, чтобы убедиться еще в силе врага, в количестве его огневых точек; в течение нескольких часов он загнал несколько лошадей. В день битвы он разместился в центральной точке, откуда мог видеть все, что происходило на поле. Рядом с ним держались адъютанты и офицеры-ординарцы; он посылал их доставлять приказы во все точки. На некотором расстоянии позади него стояли четыре эскадрона гвардии, по одному от каждого вида оружия; но когда он покидал эту позицию, он брал с собой для эскорта только один взвод. Он указывал место, которое он выбрал своим маршалам, чтобы его легко могли отыскать офицеры, которые ему приносили донесения. Как только его присутствие становилось необходимым где-либо, он пускался туда галопом (Генерал Гурго, с.127).

** Семеновские флешы впереди составляли левый край баталии. Они были доверены объединенным гренадерам Воронцова и подержаны дивизией Неверовского; гренадеры князя Карла Мекленбургского

самонадеянного французского военачальника, заранее давая понять читателю обреченность его планов. «Ни одно из распоряжений диспозиции, – пишет он, – не было и не могло быть исполнено. Но в диспозиции сказано, что по вступлении таким образом в бой будут даны приказания, соответственные действиям неприятеля, и потому могло бы казаться, что во время сражения будут сделаны Наполеоном все нужные распоряжения: но этого не было, и не могло быть: потому что во все время сражения Наполеон находился так далеко от него, что (как это и оказалось впоследствии) ход сражения ему не мог быть известен, и ни одно распоряжение его во время сражения не могло быть исполнено» (11, 218).

«В эту первую минуту его внимание было приковано к атаке принца Экмюльского. Дивизия Компана достигла редута – самого близкого к лесу; сначала генерал Тест прорвал пояс укреплений; но рана заставила генерала Компана покинуть поле битвы. Император послал тотчас своего адъютанта Раппа подменить Компана. При прибытии последнего три начальника уже сменили друг друга в командовании: сначала генерал Дюпелен, который занял место своего дивизионного генерала, потом генерал Дессе, который был ранен почти тотчас. Рапп, сам пришедший после Дессе, тут же был ранен, в свою очередь. Тогда распространилась весть, что принц Экмюльский убит, что издали видели его падение; король Неаполитанский отправился, чтобы стать во главе первого корпуса, когда принц Экмюльский сам предстал перед ним: его лошадь, сраженная пулей, потянула его за собой при падении. Но этот случай не имел для маршала других последствий, кроме сильной контузии. Однако по истечении четверти часа атака последовательно вывела нескольких командующих из битвы, что повлекло нечеткость наступления, подорвавшего успех. Атаку снова возобновили, и принц Экмюльский, несмотря на рану, снова пожелал вернуться на свой пост*.

стояли в резерве позади Семеновского. Кирасиры Дука были в резерве слева (г. де Бутурлин, т. 1, с. 318–319).

* Продвижение вперед маршала не могло быть быстрым по причине сложности местности, которая предопределяла такой характер марша. Его войска, пройдя сквозь густые леса и кустарники, где нет даже тропинок, построились в атакующие колонны почти на досягаемости картечи русских батарей, поэтому

Нетерпение маршала Нея сдерживалось до сих пор: пришел момент отдать должное его горячности. Это ему принадлежала честь взять реванш за неудачу первого корпуса. Император находился на расстоянии столь приближенном к линии, что его адъютант граф Лобо позвал громким голосом маршала, чтобы тот получил последние распоряжения. Тотчас барабаны забили атаку; дивизии Ледрю, Маршана направились на редуты, уже осаждаемые дивизией Компана; семьдесят стволов генерала Фуше предваряли наши атакующие колонны, и Неаполитанский король поднял свою кавалерию, чтобы поддержать их.

Время от времени приходили новости с левого фланга. Принц Евгений приказал овладеть Бородино. Но прежде чем уступить нам эту позицию, русские там горячо защищались. В этом упорном сражении мы потеряли генерала Плезонна; наш сто шестой полк, увлеченный успехом, чуть было не погиб, переправляясь через мосты, которые были за деревней: ее только что освободили.

Император приказал сообщить принцу Евгению придержать порыв своих войск, чтобы лучше использовать отважный маневр в пользу атаки, которую открыл принц Экмюльский.

Вице-король, оставив Бородино гвардии генерала Дельзона, повел три дивизии Морана, Жерара и Брусвера на большую батарею центра.

Это первое действие битвы закончилось полным успехом.

Колонны принца Экмюльского и маршала Нея, прибывшие в одно время на батарею Семеновского, оказались на расстоянии выстрела картечи от сильного огня, но *ничто не могло их остановить; они были стремительно брошены в промежуток оборонительных сооружений и захватили их с тыла. Солдаты Ледрю и Компана вперемешку оказались на редутах и даже не оставили времени русским забрать свои пушки*»* (Fain, P. 27).

головная часть дивизий Компана и Дессе, сраженная огнем этих батарей и стрелков, рассыпанных в лесах, несколько раз уводилась в лесную поросль (Г. де Бутурлин, Т. I, с. 325).

* Свидетельство врага. См. рассказ господина Бутурлина.

«Недостаточно было снять первые позиции, надо было там удержаться. Багратион прибежал на запасную позицию своей линии, которая только что была захвачена, он позвал новые подкрепления и, не ожидая, пока они соберутся под его началом, он двинулся с тем, что имел, на редуты, которые только что потерял. Но мы крепко там держались: преимущество местности, которое имели наши враги в течение первого часа битвы, отныне перешло к нам, но русский солдат предпочел умереть у основания тех же брустверов, которые они устанавливали в предыдущие дни как надежные укрепления**.

Кавалерия Неаполитанского короля поддержала блестящими атаками, которые отбросили окончательно нападающих; было девять часов утра, все сооружения, на которые опирались русские на своем левом крыле, перестали быть оспариваемыми: отныне принадлежали нам. Ничто более не мешало принцу Экмюльскому продолжать свой маневр: его армия продвигалась, и русский солдат умер у основания тех же парапетов, которые он воздвигал в предыдущие дни как защитные укрытия.

Ничто более не мешало принцу Экмюльскому продолжать свой маневр: его армия продвигалась, разворачиваясь все время к центру; она имела до того у себя направо леса, теперь она шла, имея их со спины. Но император, желая продолжить это движение до начала оврагов, которые разрезают долину за редутами, расположил вестфальцев, в которых маршал Ней больше не нуждался. Жюно получил приказ идти занять расположение между Даву и Понятовским. Он должен был заполнить пустоту, которую только что открыло расхождение их атак, и в этом промежуточном положении ему следовало обеспечить продвижение вперед и тому и другому.

Однако Багратион, оказавшийся в центре главных действий, позвал к себе на помощь резервы Кутузова, но тот был занят принцем Евгением. Сначала взятие Бородина, а также блистательная отвага сто шестого полка утвердили русского генерала в мнении, что мы пробираемся к большой Московской дороге; он держал корпусы Барклая, Багговута, Остермана,

** Наполеон, бюллетень битвы.

Уварова и Платова, собранные на высотах в Горках. Теперь принц Евгений, атакуя главную батарею центра, дал ему другой повод для беспокойства.

В мгновение ока Брусье залег в овраге между Бородино и редутом, в то время как дивизия Морана, продвинувшись с удивительной уверенностью под градом пуль, быстро расположилась на флангах укреплений, и *скоро шок оказался настолько сильным, что русские Паскевича не смогли его выдержать* *.

Генерал Бонами проник на главную батарею во главе тридцатого полка.

Кутузов почувствовал удар в самое сердце, увидев под угрозой битву, которую он считал едва начавшейся. Он не хотел дать нам время опомниться, он хотел любой ценой возобновить атаку. В этом экстремальном положении генералы Кутузов и Ермолов самоотверженно работали: Кутайсов был во главе артиллерии, Ермолов командовал частью гвардии. Кутайсов был убит. Тем не менее остатки дивизии Паскевича были привлечены. *Хотя это войско представляло из себя не более как бесформенную массу***, ее бросили в битву и к ней подсоединили многочисленные подкрепления. Наш тридцатый полк был атакован со всех сторон: справа Раевским, слева Васильчиковым, в лоб – Паскевичем. Тогда только уступили большинству. Бонами сопротивлялся насмерть. На редуте русские имели честь захватить его в плен.

Тогда только Кутузов вздохнул и подумал пойти на помощь Багратиону. Отвага, с которой французы атаковали левое крыло русских, не позволила более недооценивать настоящие намерения императора. Семеновское стало центром сражения. Все русские сейчас же устремились туда***.

В этот критический момент Наполеон начал вводить свои резервы и послал Роге во главе молодой гвардии поддержать дивизию Фриана, который занял позицию за оврагом. Когда он увидел многочисленные колонны врага,

* Г. де Бутурлин.

** Г. де Бутурлин.

*** Это скопление русских резервов в одном пункте подставляло их под удары сильнейших батарей французов; но это скопление стало неизбежным (Г. де Бутурлин. Т. I, с. 341).

он приказал тотчас двигаться вперед под предводительством своего адъютанта Лористона, ввел в бой батарею из 25 пушек, которая остановила порыв русских. Их кирасиры бросились против этой огненной батареи. Но стрелки Леполтра и Шуара, кирасиры из Сен-Жермена, гусары и пехотинцы Пажоля и Брюйера бросились направо и вышли победителями из этой рукопашной схватки, более кровавой, чем утренняя схватка.

Наступил момент прорыва центра русских. Уже император отослал приказы Неаполитанскому королю; дивизия Фриана, не сломленная в Семеновском, должна стать движущей силой в этом большом маневре, а молодая гвардия двинулась, чтобы поддержать ее, как вдруг отдаленные крики “ура” стали слышны на левой стороне. Все посмотрели в том направлении, и в соседних густых зарослях у большой дороги, где были поставлены палатки главного штаба в предыдущие дни, заметили толпу возчиков, прислуги и повозок, которые бежали в страшном беспорядке.

Все говорили о том, что вице-король был внезапно атакован на своей позиции у Бородина. Какое-то неопределенное время все были сосредоточены на этом важном происшествии. Император приостановил движение гвардии. Он послал дивизию Клапареда со стороны принца Евгения. Вскоре он узнал, что русские спустились с высот Горок, что они обошли наш левый фланг, что очень слабая кавалерия Орнано отступила к Бородину, что казаки уже обошли эту деревню, что окруженная дивизия Дельзона построила свои каре, что сам вице-король чуть было не оказался в этом беспорядке и едва успел влиться в ряды 84-го полка. Наполеон тотчас сел на лошадь и поехал туда, где опасность требовала его присутствия. Он уже переехал Колочу, когда ему сообщили о счастливой развязке этой тревоги.

И совсем немногочисленная пехота, что держал Кутузов на высотах Бородина, теперь была пущена в бой. Корпусы Остермана и Багговута в это время пересекли поле битвы справа налево, чтобы помочь Багратиону. Враг бросил свою кавалерию только на принца Евгения. Это Уваров с восемью

своими полками и Платов со своими тысячами казаков, которые единственные рискнули перейти Колочу, *Уваров после неслыханных попыток атаковать, отчаявшийся вклинуться в наши каре, только что принял решение снова перейти овраг**.

Принц Евгений потерял под собой лошадь. Его адъютант Жифланг тоже лишился своей лошади. Другой из его адъютантов Морис Межан был ранен. Храбрый 84-й полк оправдал свой девиз: *“Один против десяти”*.

Освободившись от Уварова, Наполеон вернулся на правую сторону. В течение двух часов дрались в Семеновском, не двигаясь с места. Время было кончать битву. Линия русских только что обновилась в третий раз: это была уже третья проигранная битва. Император приказал двинуть на свой фронт всю имеющуюся артиллерию. И в то время как здесь неистово разгоралась стрельба, он командовал общим продвижением, которым должно было закончиться все.

В конце правой линии Понятовскому удалось обойти леса, но его остановила последняя позиция русских, он получил приказ преодолеть препятствие. Его противники должны были устать, а поляки не чувствовали никогда усталости.

На левом фланге принц Евгений должен привести Морана, Жерара и Брусье к брустверам большого редута: они знали туда дорогу и еще охраняли подходы к ним. Генерал молодой гвардии Ланабер занял место Морана, который только что был ранен.

Тем временем в центр прибывает император. Оставив позади себя редуты, снятые утром солдатами Нея и Даву, он продвигается до позиции Семеновского. Наши войска уже покинули оборону; они развертываются и *уверенно углубляются в долину*. Враг напрасно хвастался *остановить нас непрерывными ударами своей картечи*. *Наши колонны смыкали свои ряды*

* Г. де Бутурлин

по мере того, как у них появлялись благоприятные моменты, и продолжили свое продвижение с удивительной стойкостью *.

Тогда линия русских дрогнула и пустила в ход свое последнее оружие – штыки**. Железо скрестилось, и в третий раз разгорелась жестокая схватка. Там пал Багратион: его унесли смертельно раненного***. Вместе с ним унесли его начальника штаба Сен-При. Даву и Нею удалось расширить пространство, и Мюрат измерил глазом территорию, на которой его кавалерия решила одержать победу. Наконец, пришла очередь наших кирасиров; они бросаются вперед, стремительность их атак заканчивается обращением в бегство врага. На этих дымящихся обломках, на этих грудах лафетов, оружия, мертвых и умирающих маршал Ней завоевал на острие сабли свое звание: *отныне он станет принцем Московским*.

Однако корпус кирасиров живо переместился на левую сторону. Во главе их не было Монбрена: его сразил выстрел пушки; его заменил Огюст Коленкур. Их только что видели устремляющихся галопом, обходящих большой центральный редут, бросающихся сверху и вскоре исчезающих в водовороте пыли и дыма» (Fain. II, 28–35).

«Вдруг штыки принца Евгения блеснули с другой стороны редута. Вулкан, осажденный со всех сторон грохотал, разрывался, извергал потоки огня, усиливался и вдруг потух... Генерал Лихачев взял свою шпагу, но его солдаты оказались убитыми. Печальное сопротивление! Их победители Огюст Коленкур и Ланабер все вместе были погребены на редуте. Кирасиры вошли туда с тыловой стороны укрепления в тот же момент, когда солдаты Евгения брали приступом брустверы.

Генерал Груши, который двигался со своими эскадронами по равнине по пятам врага, торопил его отступление. Успех Понятовского завершил атаку. Эта часть битвы выглядела как дуэль между поляками и русскими.

* Свидетельство врага: это были впечатления г. де Бутурлина.

** Пехота русской имперской гвардии, кавалерия Корфа и Палена, предводители гвардии были там (г. де Бутурлин, т. I, с. 341).

*** Багратион умер 24 сентября в г. Владимире.

Только что был убит русский генерал Тучков. Багговут, прибывший с другого конца линии, чтобы помочь ему, должен был заменить его, но Понятовский не упустил свою победу, и его пушки уже были слышны позади высот, где начинались овраги, которые битва заполнила массой мертвых тел*.

Это утомительное чередование атаки и защиты кончилось наконец. Мы остались хозяевами территории, на укрепление которой Кутузов положил столько труда. Основной узел сражения теперь был в наших руках. Надо ли его развязывать или разрубить? Император оставил свою свиту позади, а сам лично двинулся под огнем стрелков врага, чтобы лучше узнать позицию, где остановились русские. Скопившиеся над оврагом Псарева, *их массы не могли более выступить против нас и не хотели более отступить***. Было только четыре часа; еще одно усилие и Наполеон смог бы нанести поражение врагу.

Но начальники говорили об усталости, войска были рассеяны, надо было вводить гвардию. Император не считал необходимым приобретать последнее превосходство такой ценой***. <...>

Теперь отступление Кутузова могло стать более медленным и планомерным. Отныне Москва не могла нас избежать. Война должна иметь свой конец в этой столице и, следовательно, цель вот-вот должна быть достигнута.

Преимущества Кутузова состояли в превосходстве пехоты, кавалерии, артиллерии, блестящую позицию, большое количество редутов, но он был побежден. Бесстрашные герои! Мюрат, Ней, Понятовский! Это вам мы обязаны победой! История расскажет, как эти храбрые кирасиры захватывали редуты и рубили канониров на их пушках!.. Она расскажет о героической

* Императору прибежали сообщить об этой победе и этой потере. Обер-шталмейстер, брат несчастного генерала, слышал это. Сначала он был поражен, но вскоре сделал над собой усилие, чтобы справиться с несчастьем и теперь без слез, которые тихо перед этим текли по его лицу, казалось стал безучастным. Император сказал ему: «Вы слышали, не хотите ли удалиться?». Он с болью произнес эти слова, но в этот момент мы выступили против врага! Обер-шталмейстер ничего не ответил, он не удалился, а только чуть пошевелил губами, чтобы поблагодарить и отказаться (Ф. П. де Сегюр, т. I, с. 401).

** Корпус Остермана заменил корпус Раевского, который был, прямо сказать, уничтожен. Третий корпус кавалерии, т.е. корпус Палена, перестал существовать. А то, что осталось, вошло в корпус Корфа (г. де Бутурлин, т. 1, с. 382).

*** На расстоянии, на котором мы находились от Франции, ему казалось необходимо сохранить элитный и преданный корпус (Ф. П. де Сегюр, т. I, с. 406).

преданности Монбрена, Коленкура*, которые в смерти нашли свою славу. И то, что наши канониры на открытом пространстве посреди деревни совершили против батарей более многочисленных и прикрытых сильными брустверами!.. А эти бесстрашные пехотинцы, которые в самый критический момент вместо ободрения со стороны императора, а сами кричали ему: “Будь спокоен! Солдаты поклялись победить!”.

“Раз русские сопротивляются, оставаясь под огнем наших батарей, – сказал Наполеон, – то пусть они там и остаются”.

Это ведь артиллерия должна закончить битву. Управляемая такими нашими начальниками, как Ларибуасьер, Сорбье, Пернети, д' Антуар и Фуше, она изматывала русскую армию всем, что оставалось от ядер и картечи на дне наших зарядных ящиков. Огонь пушек затих только в конце дня. <...>

Потери французской армии были значительные, потери русской армии огромны. Если враг, разбитый на своих позициях, пожелал бы их вернуть снова, мы потеряли бы больше, чем он.

Но и его упорство снова возобновить атаку, стоило бы ему в значительной степени больше жертв, чем он потерял за целый день!**» (Fain. II, 37–41).

Л.Н. Толстой посвятил Бородинской битве XXI главу романа «Война и мир». Писатель упоминает все основные имена генералов и маршалов, задействованных в сражении и представляющих свиту главнокомандующих обеих сторон. Однако, в отличие от французских историков, ставивших акцент на подвигах своих военачальников, ведущих войска в бой, Толстой останавливает внимание на героизме простых солдат, отдающих жизнь за свою землю. С этой целью он вводит в картины боя художественный образ Пьера Безухова, сначала наблюдающего за подготовкой к Бородинскому сражению, а затем присутствующего на одном из самых опасных участков

* (Наполеон на о. Святой Елены: Воспоминания Монтолона, т. II, с. 94).

** Французская армия, по подсчетам Наполеона, потеряла двадцать тысяч человек (Монтолон, т. II, с. 78).

сражения – батарее Раевского, переходящей из рук в руки. Толстой показывает, как именно здесь, на поле боя, Пьер впервые осознал, что народ – простые солдаты – является вершителем исторического действия, как ему стали понятны слова одного из солдат, строившего накануне редут: «Всем народом навалиться хотят, одно слово – Москва. Один конец сделать хотят» (11, 191).

Писатель проник в суть этого исторического события и опроверг формальную точку зрения прошлых и современных ему историков о поражении русских, утвердив одним из первых мысль о том, что Бородино – победа русской армии, несмотря на оставление ею Бородинского поля. Он показал, что именно здесь заложена будущая победа – сломлен дух французской армии. «Победа нравственная, та, которая утверждает противника в нравственном превосходстве своего врага и в своей бессилии, была одержана русскими под Бородиным. Французское нашествие, как разъяренный зверь, получивший в своем разбеге смертельную рану, чувствовало свою гибель» (11, 265).

Подсчет Наполеоном павших на поле сражения невольно возвращает читателя к тексту романа Толстого, где показано, какие мысли занимали императора, готового «отречься от правды и добра и всего человеческого»: «Не в один только этот день, объезжая поле сражения, уложенное мертвыми и изувеченными людьми (как он думал, по его воле), он, глядя на этих людей, считал, сколько приходится русских на одного француза и, обманывая себя, находил причины радоваться, что на одного француза приходится пять русских. Не в один только этот день он писал в письме в Париж, что поле сражения было великолепно, потому что на нем было 50 тысяч трупов; но и на острове Св. Елены, в тиши уединения, где он говорил, что он намерен был посвятить свой досуг изложению великих дел, которые он сделал...» (11, 258).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Fain Agaton-Francois*. Manuscrit de mil huit cent douze, contenant le précis des événements de cette année pour servir a l'histoire de l'empereur Napoléon. P. 1827. Vol. I–II. Отрывки из глав, посвященных Бородинскому сражению, даются в переводе И.К. Грызловой. Номер тома и страницы указан в скобках после фамилии писателя (Fain).

² *Толстой Л.Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М.; Л., 1928–1958. Все ссылки на это издание приводятся в тексте в круглых скобках с указанием тома и страницы.